

Кто и как освобождал Киев? (Отступление первое)

Случилось так, что осенью 1943 года именно Межигорье послужило ключом к Киеву. После победы на Курской дуге в июле 1943 года следующим рубежом немецкой обороны стал Днепр, а следующей вожденной целью наступавшей Советской Армии – Киев, на высоком правом берегу Днепра. Я подчеркиваю высоту правого берега. Текущие к югу речные воды влекутся силой Кориолиса вправо, подмывают и обрушивают склоны Днепровских приречных холмов. Таковы законы природы. С днепровских круч, с Владимирской горки и растянувшейся к югу от нее полосе парков открывается потрясающий вид на череду песчаных пляжей, на низинное Заднепровье, Оболонь и дальше до самого горизонта. В войну обрывы над Днепром превратили Киев в неприступную крепость, встретившую наступавших стеной. Взобраться на них не приходилось и мечтать, наверх вели только проделанные весенними потоками узкие промоины – настоящие западни для атакующих. К тому же с возвышенного правого берега немцы могли, как на макете, наблюдать все перемещения наступавших советских войск.

Отец, в то время первый член Военного совета 1-го Украинского фронта, член Политбюро, представитель Московской верховной власти в штабе фронта, в военные дела напрямую не вмешивался, командовать положено профессионалам. Не все представители Сталина на фронтах придерживались такой позиции. Кое-кто пытался прибрать власть к своим рукам. Если, конечно, командующий позволял такое самоуправство, не жаловался в Кремль, не просил или требовал отозвать слишком ретивого комиссара. Вмешательство в дела военных обычно заканчивалось печально, а иногда вело и к катастрофе, как случилось в Крыму весной 1942 года. Тогда, член Военного совета Лев Захарович Мехлис, человек весьма близкий к Сталину и к тому же психически не очень уравновешенный, полностью деморализовал слабовольного командующего войсками Дмитрия Тимофеевича Козлова и взял военную власть в свои руки. В результате войска попали в окружение, пал Севастополь, немцы захватили Крым.

Отец вел себя иначе. Он с первого дня налаживал дружеские отношения с генералами. Они видели в нем не надзирающего, а союзника, если понадобится, то и защитника от гнева Сталина. Человек активный, отец не мог оставаться сторонним наблюдателем. С 1941 года, отступая и наступая вместе с войсками, он многому научился и ощущал себя в праве иногда советовать командующему, но, как правило, на своем не настаивал. Особенно теплые отношения сложились у отца с командующим 1-м Украинским фронтом генералом Ватутиным. В июле 1943-го они вместе выстояли на Курской дуге и теперь гнали немцев до самого Киева. И тут все уперлось в форсирование Днепра. Немцы считали его последней серьезной преградой на советской территории. После Днепра путь Красной Армии в Германию открыт.

Первый раз форсировать Днепр и взять Киев попытались еще в конце сентября, 23 числа. Две армии: общевойсковая генерала Кирилла Семеновича Москаленко и танковая генерала Павла Семеновича Рыбалко, километрах в восьмидесяти к югу от Киева, в районе Букрина овладели несколькими плацдармами. Но дело застопорилось, немцы навалились на них всеми своими резервами, приходилось не столько думать о наступлении, сколько об обороне. Через пару недель стало ясно: к Киеву отсюда не пробиться. Тогда решили ударить в шестидесяти километрах севернее Киева, в районе Козельца. Для операции выделили из резерва две армии, командовали ими очень хорошие генералы Николай Павлович Пухов и Иван Данилович Черняховский. И тут прорыва не получилось. Ставка приказала остановиться, а командованию фронтом поручили представить новый план форсирования Днепра.

Ватутин и неизменно находившийся рядом отец, наверное, в сотый раз разглядывали карту. Тонкие линии, обозначающие на карте высоту над уровнем моря, на берегу Днепра сливались в жирную черту почти отвесного многометрового перепада, обрыва, ставшего неодолимой крепостной стеной. В природе не существовало артиллерии, способной проделывать в ее многометровой толще ведущие наверх проходы. Тут отца осенило, и он ткнул пальцем в малоприметную точку, обозначающую прибрежную деревню Новые Петровцы.

– Вот здесь, Николай Федорович (отец никогда не обращался по имени, даже к близким товарищам, только по имени и отчеству или фамилии), до войны я жил тут на даче. Сказочное место не только для отдыха, но для наступления. Посмотрите, вот эта круглая, как кастрюля, котловина, смыкающаяся с одной стороны с Днепровским пляжем, а с другой соединенная с единственной дорогой-ручкой с плато. За многие десятилетия речушка, скорее ручей, промыл плавный спуск к самому Днепру, образовав там песчаную косу, которую можно использовать для высадки передовых сил. Она заросла ивняком, в нем можно укрыть не только пехоту, но и танки. По идущей вдоль ручья булыжной дороге, с косы легко подняться в котловину. Там мы закрепимся. Выбить нас немцам будет сложно. Тем временем построим переправу, накопим силы и, когда изготавимся, вывалимся из котловины на плато, как поспевшая каша из кастрюли. Оттуда до Киева 27 километров, я сам измерял по спидометру. Двинемся по равнине вдоль шоссе прямехонько на Подол.

Отец замолчал и вопросительно посмотрел на Ватутина. Николай Федорович никогда не соглашался и не возражал с ходу. Один из лучших штабистов того времени, он тщательно взвешивал «за» и «против», а уж потом выносил решение, окончательное решение.

– Думаю, мы должны серьезно просчитать этот вариант, Никита Сергеевич, – не изменил он своей привычке и на этот раз. – На первый взгляд, план сулит успех, но надо все обмозговать.

На этом разговор закончился, штаб получил указание разработать операцию. Форсировать Днепр у Межигорья предстояло 38-й армии генерала Чибисова.

Я не ставил себе целью писать о войне. Начал писать о Межигорье и запнулся на фамилии Чибисов. В истории войн, сражений, так же, как и в семейной жизни, одно и то же событие заинтересованные стороны описывают неодинаково, порой трудноузнаваемо. Генералы, как примадонны, не терпят соперников, особенно удачливых, нередко обливают друг друга грязью с ног до головы. В истории Второй мировой войны наиболее ярко такое взаимонеприятие обнаружилось в споре о том, кто правильнее штурмовал Берлин в мае 1945 года: Жуков, Конев или командующий подчиненной Жукову 8-й Гвардейской армии Василий Иванович Чуйков. Читаешь полемику уважаемых полководцев и диву даешься, как каждый норовит оттеснить соперника подальше от пьедестала, а то и вовсе сбросить его в ближайшую канаву.

Подобная коллизия, возникшая вокруг взятия Киева, собственно, и послужила причиной написания этой главы.

Я люблю писателя Георгия Владимова, то, как он пишет, даже если написанное меня порой коробит, как покоробил меня посвященный взятию Киева, прозрачно зашифрованному под Мырятин, роман «Генерал и его армия».

Также «зашифрованы» и фамилии действующих лиц, всех, за исключением Хрущева. Последнего автор откровенно не любит и столь же откровенно издевается над ним в самом же автором придуманных мелких житейских эпизодах. Тут ничего не поделаешь – насильно мил не будешь. Спорить и доказывать что-либо бесполезно, такова его авторская воля.

Концепцию романа Владимов позаимствовал, он в войне не участвовал, а, как признается сам писатель, однажды встретился с генералом Чибисовым и тот излил ему свою душу. Рассказал, как его постоянно «обижали» Ватутин с Хрущевым, какие мерзавцы генералы Москаленко и Рыбалко. В результате написалась книга о герое Чибисове-Кобрисове, у которого интриганы несправедливо-мелочно из-под носа увели победу, не позволили ему

освободить Киев-Мырятин. Вместо Чибисова-Кобрисова, заслуженного генерала, сделавшего самое трудное, пробившего брешь в неприступной немецкой обороне, когда враг уже побежал и оставалось сделать только последний рывок, командующим 38-й армией назначили выскочку Москаленко-Терещенко, единственное достоинство которого – украинская национальность. Согласно версии генерала Чибисова и автора книги, «с подачи Хрущева» наверху решили: пусть плоды русской победы пожнет украинец. Кстати, в многонациональной стране совсем немаловажно, кто освободил столицу Украины, русский или украинец.

Но вернемся к Чибисову-Кобрисову, сравним его жалобу-рассказ Владимову с объективной историей и воспоминаниями отца.

Напомню, что Хрущев предложил форсировать Днепр в районе Межигорья. После штабного анализа Ватутин согласился с отцом. Межигорье оказалось удобнейшей точкой для наступления. Через пару дней разработанный детально план доложили Сталину, получили одобрение на смену направления главного удара, стянули войска.

Наступление началось в последних числах октября 1943 года. Передовые отряды армии Чибисова-Кобрисова форсировали Днепр, захватили песчаную косу, а потом и сам пяточок Межигорья. Чибисов доложил отцу: «Заняли Вашу дачу».

«Ни у кого из нас личных дач не было, – пишет отец в своих воспоминаниях, – это государственные дачи. Мы с Ватутиным решили поехать в штаб 38-й армии, к Чибисову. Он находился на порядочном удалении от плацдарма, на противоположном, левом берегу Днепра. Мы ему приказали: “Перенесите свой штаб или в Старо-Петровцы, или в Ново-Петровцы (села расположены одно за другим на правом высоком, «немецком», берегу Днепра, в притык к Межигорью), при наступлении следует держаться ближе к войскам”. “Есть”, – ответил Чибисов.

После того как Ватутин положил трубку, я засомневался: “Николай Федорович, Вы уточните, где его новая квартира?”

Перезвонили. Уточнили. Оказывается, вместо того чтобы обосноваться на плацдарме на правом берегу, он расположил свой штаб на левом берегу Днепра. Николай Федорович аж позеленел и начал ругаться.

Почему я отнесся к словам Чибисова с недоверием? Это был у нас с ним не первый такой случай. Когда в июле 1943 года мы готовились наступать на Курской дуге и подошла очередь действовать 38-й армии, мы с Ватутиным так же решили поехать к Чибисову. Мы указали Чибисову точное место, где он должен разместить армейский штаб – село поблизости от переднего края.

За Чибисовым на фронте постоянно следовали жена и дочь. Он возил с собой в обозе козу или чуть ли не корову. Адьютантом у Чибисова служил его зять. Из-за семьи ему несподручно было прижиматься к переднему краю фронта.

Перед выездом в 38-ю армию я попросил Ватутина уточнить на новой ли “квартире” Чибисов?

– Да, на новой, как приказывали, – доложил Чибисов.

Мы поехали на эту новую “квартиру”. Прибыли. Село оказалось совершенно пустым. Посидели какое-то время. Смотрим, по дороге к селу едет генерал. Когда он приблизился, видим, Чибисов.

– Вы же доложили, что расположились на новой “квартире”? – набросился Ватутин на Чибисова.

– Никак нет, – не моргнув глазом, ответил тот.

Я об этом инциденте потом докладывал Сталину, но Сталин относился к Чибисову значительно терпимее, чем к другим генералам, которые и сотой доли такого не проделывали. Он знал Чибисова по обороне Царицына в 1918 году».

Возвращаюсь к Киевской наступательной операции.

«Приехали мы к Чибисову на хутор, – я продолжаю цитировать воспоминания отца, – и приказали ему организовать новую “квартиру” на правом берегу Днепра.

Когда начнется наступление, ему следовало находиться непосредственно в войсках. Невозможно успешно управлять войсками через Днепр».

У отца на сердце скребли кошки – а что, если Чибисов провалит операцию, не возьмет Киев? Он предложил Ватутину перебросить на 38-ю армию командарма – 40-й, генерала Москаленко. Доложили Сталину, тот утвердил решение командующего фронтом.

«Фронт продолжал подготовку к броску на Киев с Лютежского плацдарма (так теперь официально именовалось Межигорье), – вспоминает отец, – перебросили сюда с Букринского плацдарма 3-ю Гвардейскую танковую армию Рыбалко. Действовал на этом участке и 5-й Гвардейский танковый корпус генерала Андрея Григорьевича Кравченко. К тому времени мы уже выбрались из Межигорской котловины на прилегающую равнину и там, на четырехкилометровом участке главного удара сосредоточили более 1200 артстволов, включая минометы. Столь плотного сосредоточения огня мы не имели ни в Сталинграде, ни на Курской дуге. Дали, кажется, два часа на артиллерийскую подготовку с интенсивным огнем в центре. Мы хотели “прорубить окно” и ввести в него танковую армию Рыбалко. Танковый корпус Кравченко должен был, наступая на правом участке, выйти к речке Ирпень.

Итак, все готово. Командный пункт 38-й армии переместился на правый берег Днепра. Мы знали, что если командный пункт оборудует Москаленко, то он его выдвинет буквально под самый нос противнику.

Мне как-то Жуков рассказывал еще под Сталинградом: 40-я армия Москаленко находилась тогда севернее города, и Жуков поехал к нему посмотреть на подготовку к бою.

– Пришел я ночью на командный пункт по ходу сообщения. Ждем, когда на рассвете начнется наступление. – Это слова Жукова. – Рассвело. Глянул в бинокль, вижу каких-то людей. Кто это? Москаленко отвечает: “Немцы”. Я ему: “Что ж ты, такой-сякой, хочешь меня в плен немцам сдать?”

Жуков очень обеспокоился и отругал Командарма: нельзя располагать штаб армии буквально под носом врага. Да, с какой-то точки зрения это плохо. Но с другой стороны, такая близость командарма вселяла уверенность в бойцов. Войска чувствовали, что командующий у них непосредственно за спиной. А самое главное, что всем ходом артиллерийской подготовки и самим наступлением Москаленко управлял не по донесениям и телефонным сообщениям, а лично видел все происходившее на поле боя.

Холодным ноябрьским утром, на рассвете, мы с Ватутиным приехали к Москаленко на командный пункт 38-й армии. Нас встретил дежурный офицер и сказал, что ближе подъезжать к линии фронта нельзя, надо идти по ходу сообщения и следует пригнуться. Пришли на командный пункт. Ватутин посмотрел на часы и приказал адъютанту дать сигнал к открытию артиллерийского огня. Загудела земля, все дрожало. Это такая, знаете ли, военная симфония. Для нас она звучала радостно. Поднялась пехота. За пехотой двинулись танки. Спротивление враг оказывал слабенькое. Все его укрепления оказались разрушенными. На главном направлении мы всё выкосили. На третий день наступления немцев оттеснили далеко в лес, бои велись уже где-то под самим Киевом. Одновременно танки генерала Рыбалко вели наступление на Святошино, западный пригород Киева, чтобы не позволить противнику выскочить из города.

Помню, заходило солнце, стоял теплый осенний вечер. Мы с командармом вышли из землянки в бурках внакидку. Вдруг вдали раздался взрыв. В городе поднялся клуб дыма. Зная расположение Киева, я говорю: “Это немцы взрывают завод «Большевик» в западной части города, перед Святошино. Раз взрывают, значит бегут”.

Я обратился к командующему артиллерией фронта: “Товарищ Варенцов, прошу приказать артиллерии накрыть Киев беглым огнем”. Он недоуменно смотрит на меня. Знает, как я

люблю этот город. Объясняю: “Если вы сейчас обстреляете город, это ускорит бегство немцев. Снаряды много не навредят. А если немцы задержатся, то они могут заложить фугасы и нанесут Киеву значительно больше вреда”.

Красная Армия вступила в Киев ночью с 5 на 6 ноября. Уже после занятия Киева, Москаленко рассказал мне, как он входил в город с войсками: “Ночью я шел впереди танков, освещал им фонарем шоссе и так привел их к Киеву”. Конечно, такое поведение Москаленко не вызывалось необходимостью: геройство на грани безрассудства. Но это ведь Москаленко!

Взятие Киева получилось особо торжественным, как раз накануне юбилея Октябрьской революции. Теперь говорят, что мы приурочили освобождение Киева к государственному празднику, и я ради хвастовства, мог бы и согласиться. Но, честно говоря, вовсе нет. Просто так сложились обстоятельства.

Рано утром 6 ноября я послал в Киев своего шофера Александра Георгиевича Журавлева, дядю Сашу, как его называли мои дети. Я с ним ездил много лет, вплоть до моей отставки, в общей сложности 32 или 33 года. Наши войска вошли в Киев по знакомой дороге, по ней до войны мы ездили на дачу. Он поехал, как бы с дачи в Киев, быстро вернулся и говорит, что Киев абсолютно свободен от противника, да и вообще там никого нет, пусто. Людей на улицах почти не видно.

Я с представителями украинской интеллигенции – поэтом Николаем Платоновичем Бажаном, кинорежиссером Александром Петровичем Довженко и другими поехали в город. Просто нет слов, чтобы выразить радость и волнение, которые охватили меня. Проехали Подол, пригород Киева, и вот мы уже на Крещатике.

Крещатик лежал в руинах. Когда мы приехали на площадь Богдана Хмельницкого, то там ряд домов еще горел. Особенно я сожалел о разрушенном здании университета, сгорела его богатейшая библиотека. А вот памятник великому поэту Тарасу Шевченко сохранился.

Город производил жуткое впечатление. Некогда большой, шумный, веселый южный город, и вдруг – никого нет! Когда мы шли по Крещатику, то отчетливо слышали собственные шаги. В пустом городе каждое сказанное слово отдавалось эхом. А может быть, нам так казалось от сильного напряжения. С Крещатика мы свернули на улицу Ленина (старое название Фундуклеевская), начали подниматься в направлении Оперного театра. Постепенно стали появляться люди, возникали прямо из-под земли. Вдруг слышим истерический крик. Бежит к нам молодой человек. Он беспрестанно повторял: “Я единственный, оставшийся в живых еврей в Киеве”. Затем появился человек с седой бородой, уже немолодой. Он шел с рабочей кошелкой в руке. Когда я работал на заводе, то в такой же кошелке носил завтрак и обед. Он кинулся ко мне на шею, стал обнимать, целовать. Мы подошли к Оперному театру. Он тоже уцелел. Я вошел в здание, хотя меня и предупреждали, что театр, возможно, заминирован (противник делал нам такие подвохи). Театр оказался не заминирован.

Возвратившись в штаб фронта, я составил записку Сталину. Особо отметил артиллеристов. На меня тогда сильнейшее впечатление произвела артиллерийская подготовка, с начала войны самая мощная в моем присутствии. На следующий день взял в руки центральную газету и увидел, что моя записка полностью опубликована в “Правде”».

Теперь возвращусь к коллизии Чибисов-Кобрисов, Москаленко-Терещенко. Обиженных, в том числе несправедливо обиженных, командующих – множество. Взять хотя бы маршала Еременко. Отец вспоминал, как летом 1942 года, после поражения наших войск в Барвенково, под Харьковом, Сталин клещом впился в него: кто сможет остановить немцев? Кого назначить командовать фронтом, защищавшим Сталинград? Отец отговаривался незнанием высших командных кадров, он только еще осваивался в их среде. Сталин начал сам перебирать фамилии: Тимошенко Семен Константинович с его заместителем – генералом Гордовым Василием Николаевичем – это их фронт только что разгромили немцы, – не годятся. Герой обороны Москвы генерал Власов Андрей Андреевич – подходит, но его уже бросили

на разблокирование окруженного врагом Ленинграда... И так далее. Наконец Сталин сделал свой выбор – выдернул из госпиталя долечивавшегося после ранения Андрея Ивановича Еременко и бросил его в самое пекло. В Сталинграде Андрей Иванович ходил, опираясь на палку, у него нестерпимо болела нога. Еременко выстоял. Конечно, не один Еременко, но в самые страшные дни немецкого наступления именно он командовал фронтом, Сталинградским фронтом. Тогда никто в Москве не верил, что они выдюжат. Сталин звонил ему в октябре 1942 года, выпрашивал, удержатся ли они хотя бы еще пару дней? В отличие от москвичей, Еременко не сомневался – удержатся. И удержались.

Когда немцев под Сталинградом окружили и впереди замаячили лавры победителей, кому-то в Москве, Еременко не потрафил. Добывать окруженную в Сталинграде армию фельдмаршала Паулюса поручили не ему, а «соседу», командующему Донским фронтом генералу Константину Константиновичу Рокоссовскому. Еременко же послали отражать новое наступление, преградить дорогу немецкому генералу Манштейну, рвавшемуся на выручку к Паулюсу. Когда же он справился и с этим, его и вовсе отставили, отправили долечиваться от старой раны, полученной еще до Сталинграда. Эти издевательства происходили на глазах отца, от обиды боевой генерал чуть не плакал. Но приказ есть приказ!

Или еще такой пример. Уже после смерти отца, в 1972 году, я поселился на даче в генеральском поселке Трудовая Северная, что по Савеловской железной дороге.

Соседом моим оказался прославленный танкист, маршал Михаил Ефимович Катуков. Времена стояли брежневские, соседи-генералы со мной старались особенно не общаться, даже живший напротив «сталинградец» маршал Василий Иванович Чуйков, «крестный» моего отца, сухо поздоровавшись при встрече, спешил укрыться за металлической оградой своей дачи.

Я искренне удивился, когда Михаил Ефимович как-то зазвал меня к себе. Уселись мы, как полагается, на кухне. Из холодильника появилась бутылка водки, начался разговор о житье-бытье, который, естественно, свелся к прошлой войне, а затем к былым обидам.

Из рассказа маршала Катукова запомнился такой эпизод. Во время наступления на Берлин весной 1945 года его танковая армия, 1-я Гвардейская, едва ли не лучшая в Советской Армии, входила в состав 1-го Белорусского фронта. Командовал фронтом маршал Жуков, и шли они через Зееловские высоты в лоб на Берлин. Немцы оборонялись жестоко, наших солдат полегло там множество, а продвинулись с гулькин нос.

Слева, в обход Берлина, наступал 1-й Украинский фронт маршала Ивана Степановича Конева. Сталин знал, что оба военачальника люто, до ненависти, ревнуют друг друга. Вот Сталин и устроил соревнование – Берлин поручил взять Жукову, но если Конев обойдет Жукова, то слава победителя достанется ему.

Все свои резервы Гитлер выставил против Жукова, на Конева у него сил уже не осталось. В результате 1-й Украинский фронт начал обгонять 1-й Белорусский.

– Вот тут-то Жуков и позвонил мне, – рассказывал Катуков. – Осведомился, знаю ли я, что Конев прямым ходом прет на Берлин?

– Знаю, – отвечал ему Катуков, – у него там сопротивления – тьфу, а у нас...

– Что у нас, я без тебя знаю, – оборвал его Жуков. – Попридержатъ бы его, а то ненароком Берлин не нам достанется.

– У меня душа ушла в пятки, – наливая очередную рюмку, продолжал Михаил Ефимович. – Что это он хочет? Мои танки повернуть во фланг Коневу? Как я еще могу его попридержатъ? Не секрет, что СМЕРШ все наши разговоры слушает, а тут такое... Я весь собрался и отвечаю: «Товарищ маршал, это дела уровня штаба фронта, а у меня всего лишь армия, не мне их решать». Жуков в ответ засопел, только выговорил: «Я тебе, Катуков этого не забуду» и трубку бросил.

Берлин, как известно, мы взяли, на радостях всех командующих армиями в звании повысили, а мне – шиш. Потом всех командующих армиями выбрали депутатами Верховного Совета СССР, а от нашей армии депутатом стал мой заместитель по тылу. Так что свою главную звездочку на погоны за Берлин я получил только уже при твоём отце. Да будет земля ему пухом! – Катюков выпил, глянул на опустевшую бутылку, я понял – пришла пора прощаться.

И такое случалось на войне и, к сожалению, с очень уважаемыми людьми. Поэтому, в отличие от Владимова, не берусь ни судить, ни миловать. Наверное, уравновешенный, осторожный Чибисов-Кобрисов заслужил свои награды, а жизнью своей, и жизнью подчинённых, возможно, дорожил более, чем взбалмошный, рискованный, не щадивший ни себя, ни других, Москаленко. И Киев бы Чибисов взял, может быть позже на неделю, но взял.

В книге генерал Кобрисов, не пережив отставки, самовольно возвращается на фронт и глупо гибнет. В жизни Чибисова никто не отставлял, его «перебросили» командовать 3-й Ударной, а затем 1-й Ударной армией. С 1944 года его назначили начальником Военной академии имени М. В. Фрунзе, пост по тем временам маршалский. Так что на судьбу ему грех жаловаться.

С другой стороны: и Киев – не Мырятин, и генерал Чибисов – не Кобрисов, и Москаленко – не Терещенко, и Владимов – не летописец, а всего-навсего выдумщик-писатель. Какие тут ещё претензии? Книга Владимова интересная и легко читается. Какая «история» автору больше по душе, кто ему симпатичнее, ему самому выбирать. Но, несмотря ни на какие выдумки, история остаётся историей и относиться к ней следует с соответствующим пиететом. С другой стороны, нет в ней и одной-единственной правды, окончательного вердикта. Не судите, да не судимы будете...